
КОНТЕКСТ

Е.Б. Павлова, Н.Н. Гудалов, Г.В. Коцур*

КОНЦЕПЦИЯ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ: НА ПРИМЕРЕ БИОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ¹

Аннотация. Данная статья фокусируется на новой, но уже чрезвычайно востребованной в современной политике концепции стрессоустойчивости. В работе представлены основные этапы генезиса и характеристики этой концепции. Особое внимание уделено политологии и теории международных отношений. На основе анализа некоторых недавних российских законодательных инициатив продемонстрирован потенциал использования концепции стрессоустойчивости в политической сфере.

Ключевые слова: стрессоустойчивость; правительственность; Фуко; биополитика; Российская Федерация.

* **Павлова Елена Борисовна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Тартуского университета (Тарту, Эстония), доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия) e-mail: elena.pavlova@ut.ee; **Гудалов Николай Николаевич**, кандидат политических наук, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: n.gudalov@spbu.ru; **Коцур Глеб Владиславович**, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета, e-mail: glebk17@gmail.com

Pavlova Elena, University of Tartu (Tartu, Estonia); Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia) e-mail: elena.pavlova@ut.ee; **Gudalov Nikolay**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), e-mail: n.gudalov@spbu.ru; **Kotsur Gleb**, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), e-mail: glebk17@gmail.com

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01110).

Е.В. Pavlova, N.N. Gudalov, G.V. Kotsur
The concept of resilience in political science:
The example of biopolitical practices in the Russian Federation

Abstract. This article is focused on ‘resilience’, the conception which is new yet already very popular in contemporary politics. The work presents the main stages of the genesis of this conception and its characteristics. Special attention is paid to political science and International Relations theory. The potential use of the conception of resilience in the political sphere is demonstrated through the analysis of a number of recent Russian legislative initiatives.

Keywords: resilience; governmentality; Foucault; biopolitics; Russian Federation.

Концепция, обозначаемая английским словом «resilience» (в нашем переводе – «стрессоустойчивость»), прочно вошла в лексикон многих научных дисциплин, а в последнее время все громче заявляет о себе как одном из наиболее перспективных направлений политической науки. Количество научных публикаций, конференций, проектов, посвященных данной тематике, растет в геометрической прогрессии [Dunn Cavelt, Kaufmann, Soby Kristensen, 2015, p. 5]. С 2013 г. престижный издательский дом «Taylor & Francis» выпускает журнал «Стрессоустойчивость. Международная политика. Практика и дискурсы» [Resilience. International policies... 2017]. Не менее, а может и более важным фактом, требующим повышенного внимания к стрессоустойчивости, является всё бо́льшая востребованность данной концепции в официальных политических заявлениях и программах [см., например: UK national security... 2010; Understanding vulnerability... 2011]. В 2016 г. концепция стрессоустойчивости стала ключевой категорией для формулировки Стратегии Европейского союза – документа, который во многом определяет новые контуры внешней политики ЕС [Shared vision ... 2016]. При этом отметим, что столь активное использование понятия «стрессоустойчивость» в политическом дискурсе пока не привело к выработке ясного понимания того, как именно стрессоустойчивость встроена в систему и какое влияние она может оказывать. Сколь противоречива ни была бы сама концепция, на данном этапе можно достаточно уверенно сказать, что ее роль в политической науке и практике в обозримом будущем лишь продолжит возрастать.

Современные исследования стрессоустойчивости в политической науке можно условно разделить на три группы. Во-первых, это теория стрессоустойчивости как таковая, где в центре дискуссии – само понятие «стрессоустойчивость» и его возможные интерпретации. Во-вторых, это работы, посвященные категории «стрессоустойчивость» как части политического дискурса. В-третьих, это труды, фокусирующиеся на анализе стрессоустойчивости как неотъемлемого свойства любой системы, делающие попытки определить, как именно проявляется это свойство в рамках различных систем, социальных и политических, и как влияет на текущие события. Пока этот ракурс остается наиболее дискуссионным, однако именно подобное переосмысление позволяет говорить о важности этого направления не только в теории, но и в исследованиях прикладного характера. В данной статье мы проиллюстрируем современные подходы к изучению стрессоустойчивости примером из российской действительности. Рассматривая ряд биополитических практик, формулируемых в рамках российского официального дискурса, мы покажем процесс формирования нового стрессоустойчивого субъекта, способствующего купированию вызова режиму в начале 2010-х годов, после выборов в Государственную думу.

Таким образом, целью данной статьи является выявление потенциала использования теории стрессоустойчивости для анализа текущих политических событий на примере обозначения биополитических практик как ресурса стрессоустойчивости современного государства. Для реализации указанной цели в первом разделе работы будет представлена общая характеристика понятия «стрессоустойчивость». Во втором разделе проследим истоки возникновения этой категории, в третьем проведем обзор существующих подходов к стрессоустойчивости в политической науке и исследованиях международных отношений. Четвертый раздел будет посвящен различным биополитическим практикам как потенциальному ресурсу стрессоустойчивости. Наконец, в пятом разделе мы продемонстрируем потенциал выявления стрессоустойчивости на примере законодотворческих инициатив в Российской Федерации.

Теоретическую базу составят важнейшие академические публикации по теории стрессоустойчивости. Основной акцент будет сделан на работах, применяющих фукольдианский подход к анализу. Источниками эмпирической части послужат официаль-

ные заявления политической элиты в отношении ряда новых законов Российской Федерации, разобранные при помощи дискурса-анализа.

1. Стрессоустойчивость: Общая характеристика понятия

Характеристика понятия «resilience» осложняется многообразием существующих трактовок. Однако прежде чем перейти к их изложению, мы остановимся на вопросе, требующем первичного прояснения, – русскоязычном варианте данного понятия, так как общепринятого перевода пока нет [см. также: Романова, 2017, с. 17–18, сноска 1]. Междисциплинарность употребления данного термина существенно усложняет эту задачу. Так, классические и буквальные варианты перевода, связанные по смыслу с понятием «упругость», стилистически и содержательно адекватны для физики и технических наук. Однако подобный перевод не вполне отражал бы широту научных дискуссий в других дисциплинах, поскольку он однозначно указывает на возвращение системы к первоначальному состоянию и не учитывает взгляды тех ученых, которые подчеркивают возможности трансформации системы под влиянием соответствующего воздействия. Между тем уже в экологии смысл термина «resilience» часто отделяется от «стабильности». Так, Кроуфорд Холлинг – известный канадский эколог, который и ввел «resilience» в широкий научный оборот, – специально отграничивал его от термина «стабильность» и даже подчеркивал, что эти два термина могут иметь противоположные смыслы. «Resilience» понимался им как гораздо более динамичное свойство. Системы, считал Холлинг, могут быть нестабильными и именно *за счет этого* – стрессоустойчивыми [Holling, 1973, p. 14–15].

Если потенциальная важность динамизма для сохранения основных свойств систем обсуждается в экологии, то этот момент еще резче заостряется многими представителями социальных наук, полагающими, что общество как сложная, динамичная система может сохранять свои ключевые качества не всегда за счет возвращения к прежнему состоянию, а иногда за счет различных трансформаций. С учетом этого вариант перевода «стрессоустойчивость», в отличие от «упругости», нейтрален относительно дан-

ных дискуссий: им могут обозначаться как возврат к прежнему положению дел, так и изменения.

Другие версии перевода могут быть связаны с «жизнестойкостью» или «жизнеспособностью», которые также априори не исключают динамизма. Действительно, данные варианты увязывали бы понятие с биополитической проблематикой, которая обсуждается далее в статье. Тем не менее слова «жизнеспособность» и «жизнестойкость» имеют, как представляется, слишком яркое и однозначное биологическое звучание, в сравнении с которым термин «стрессоустойчивость» менее спорный для политической науки. Конечно, слова, имеющие биологическую окраску, используются в политологии для характеристики небιологических референтов. Часто говорят, например, о «жизнеспособности» того или иного строя. Верно и то, что слово «стрессоустойчивость» также имеет антропоморфную коннотацию. Но всё же варианты перевода, подобные «жизнестойкости», слишком однозначно постулируют наличие «жизни» у тех систем, о которых может идти речь. Это было бы оправданно, если бы речь шла только об индивидах и их стрессоустойчивости. Однако в современной науке термин «resilience» применяют для характеристики очень широкого спектра систем: не только людей, но и их коллективов, а также, например, различных инфраструктур, институтов или норм. В последних случаях постулирование некоей единой «жизни» у подобных систем вызвало бы, без сомнения, серьезные споры. Мы полагаем, что в тех же случаях вариант перевода «стрессоустойчивость» порождает меньше стилистических и содержательных дискуссий.

Каковы общие контуры возможного определения стрессоустойчивости? В работе с красноречивым названием «Мыслить стрессоустойчиво» это понятие определяется как способность любой системы абсорбировать вызовы и сохранять свои базовые функции и структуру [Walker, Salt, 2012, p. xiv]. Общество, которое видится одновременно как социальное и природное явление, подчиняется тем же законам, т.е. рассматривается как система, способная к регенерации и самоуправлению. Любые вызовы по отношению к окружающей среде предлагается анализировать не как нечто «внешнее», а как часть социоэкологической системы, которая поддерживается именно через стрессоустойчивость [Chandler, 2014, p. 7–8]. Соответственно, категория «стрессоустойчивость» употребляется при анализе кризисных ситуаций, тре-

бующих междисциплинарного подхода, где общество рассматривается как единая с природой система. Ответы, которые дает система, нелинейны и могут быть непредсказуемы, так как сама система эмерджентна, т.е. может иметь свойства, нехарактерные для ее структурных элементов.

Использование категории «стрессоустойчивость» при анализе какого-либо феномена предполагает осознание множественности ее проявлений. Так, мы можем исследовать экологические характеристики в рамках различных моделей развития экономики [Brown, Lall 2006], в то же время осозная стрессоустойчивость как неотъемлемую часть самой экономической системы [Walker, Cooper, 2011]. Или, например, в работах по городскому планированию стрессоустойчивость исследуется и как часть экологии города в прямом понимании [Ahern, 2013], и через призму социальных проблем общества [Kärholm, Nylund, de la Fuente, 2014]. Палитра здесь очень широка.

2. Стрессоустойчивость: Истоки возникновения научной категории

Отмеченный плюрализм определений и употреблений термина «стрессоустойчивость» во многом связан с историей его появления и распространения. Изначально употребление понятия фактически полностью ограничивалось отдельными сферами естественных и технических наук. Однако сейчас мы наблюдаем не только резкое увеличение обращений к стрессоустойчивости в самых разных научных областях, но и все возрастающее количество междисциплинарных исследований, где именно концепция стрессоустойчивости становится связующим звеном.

Путь стрессоустойчивости в социальные науки был непрост. Хотя большинство исследователей подчеркивают расплывчатость и неясность данной категории [Wagner, Anholt, 2016; Smith, 2016], существует более или менее определенная точка отсчета дискуссий, ведущихся на эту тему. Такова экосистема, а точнее ее способность к регенерации. Впервые рассматриваемый термин в современном значении появился в работе К. Холлинга «Стрессоустойчивость и стабильность экологической системы», где под ним подразумевалась «мера стойкости систем и их способность поглощать измене-

ния и нарушения, поддерживая те же соотношения между популяциями или переменными состояниями» [Holling, 1973, p. 14]. Работы Холлинга обозначили поворот от статичной концептуализации стрессоустойчивости к более динамичной, согласно которой она относится к способности экосистем изменяться под воздействием шоков, при этом сохраняя свои главные черты. Так, в исследованиях Питера Роджерса и Филиппе Бурбо [Rogers, 2012; Bourbeau, 2015] прослеживается история применения термина «стрессоустойчивость» в разных исследовательских областях – от инженерных наук и экологии до психологии и социальных дисциплин.

Концепция сразу получила популярность. Более того, как указывают Мелинда Купер и Джереми Уокер, практически сразу же, с 1970-х годов, идея стрессоустойчивости как «науки о сложной адаптивной системе и операционной стратегии утвердила себя в качестве доминирующего дискурса в управлении природными ресурсами» [Walker, Cooper, 2011, p. 42]. Во многом благодаря Фридриху Хайеку, который практически в то же время писал о саморегулировании рыночных механизмов, подобное толкование системы начало применяться в экономических науках. С 1990-х годов, продолжают авторы [ibid.], «стрессоустойчивость» стала практически неотъемлемой частью международной финансовой и экономической повестки дня, а также самых разных направлений в мировой политике, где кризисное управление играет ключевую роль. Если на заре своего становления концепция стрессоустойчивости была востребована прежде всего в биологии, экологии, исследовании взаимодействий между окружающей средой и обществом, то сегодня это важный инструмент познания в социологии, экономике и политических науках.

3. Стрессоустойчивость в политической науке и международных исследованиях

В недавно изданном «Справочнике Рутледжа по международной стрессоустойчивости» [The Routledge... 2017] мы можем увидеть внушительный список тем, где эта категория применяется в исследовании международных отношений, и большинство из них – междисциплинарные. Экологические сюжеты затрагивают возможность построения политических альтернатив [Nelson, 2017], а

темы городского планирования выстраиваются посредством вопроса о взаимосвязи между властью и гражданами [O'Hare, White, Connelly, 2017]. Однако и в этом справочнике, как и в других работах по стрессоустойчивости, активно подчеркиваются неопределенность этой категории и размытость возможностей ее применения [Anderson, 2015]. При этом исследователи не рассматривают это как недостаток, который не позволял бы использовать эту категорию при анализе различных феноменов социально-политической жизни.

По мнению большинства ученых, стрессоустойчивость – характеристика любого субъекта политической жизни, которая позволяет ему сохранить свой статус-кво, т.е. вернуться к форме, максимально приближенной к первоначальной после внешнего или внутреннего воздействия. Именно такая интерпретация стрессоустойчивости позволила говорить об этой концепции как о принципе управления и привела к возможности формулировок в рамках политических наук. Так, Джеймс Брассет, Стюарт Крофт и Ник Вон-Вильямс указывают, что стрессоустойчивость есть не что иное, как организационный принцип современной политической жизни [Brassett, Croft, Vaughan-Williams, 2013, p. 222]. Подобное определение ни в коем случае не может претендовать на всеобъемлющее, однако оно успешно задает точку отсчета для эмпирических исследований о совершенно разных политических системах. Это может быть международная система, могут быть государство или локальное сообщество, однако в любом случае речь идет о восприятии системы, где все угрозы мыслятся как ее неотъемлемая часть. То есть стрессоустойчивый субъект всегда одновременно и сам является системой, которая требует кризисного управления, и обладает ресурсами для подобного управления. Дихотомия субъект / объект здесь исчезает [Chandler, 2014, p. 8].

Такая структура управления видится большинству исследователей [см., например: Joseph, 2013; Bourbeau, 2015] как логичное продолжение концепции Мишеля Фуко о «правительственности», в которой ключевым значением для поддержания системы власти обладает связь государя со своим княжеством через многообразие практик [Фуко, 2003]. То есть через управление «вещами»: не просто территорией, а людьми в их взаимоотношениях с территорией, ресурсами, обычаями, образом действия, а также, что особо важно для исследований стрессоустойчивости, людьми «в их взаимосвязи с такими “вещами”, как возможные происшествия и несчастья, та-

кие как голод, эпидемии, смерти» [Фуко, 2003, с. 11]. Повторим, что правительственность ни в коем случае не сводится к созданию механизмов манипулирования: это понятие отражает рефлексивную рационализацию в научном дискурсе практик взаимодействия, уже существующих в данном обществе. Формирование моделей управления, должных способствовать «улучшению жизни народов» на основе этих практик, как раз и становится источником стрессоустойчивости. Именно такая ее интерпретация как органичного бессознательного свойства системы позволяет нам дать двойственную интерпретацию данной концепции. С одной стороны, это возможность поддержания данной системы, что может упрощать управление ею, с другой – бесконечная адаптация к переменам способна в конце концов привести к полному разрыву и перестройке.

Итак, сама сложность современного общества может служить «ресурсом» управления [Chandler, 2014, p. 34]. Именно в таком ракурсе стрессоустойчивость предстает перед нами как часть неолиберальной идеологии, которая позволяет поддерживать систему, создавая новые поля для контроля и управления. На сегодняшний день неолиберализм является базовой осью современного глобального управления, и именно поэтому большое количество ключевых работ по «стрессоустойчивости» фокусирует на этом особое внимание [Joseph, 2013]. В своих исследованиях авторы пытаются понять, в чем же заключена стрессоустойчивость современного неолиберализма и как вызовы современности могут нарушить существующий порядок. Так, переход от либерализма к неолиберализму во многом объясняется различными подходами к вызовам. Если классический либеральный дискурс, пишет Джонатан Джозеф, делал акцент на возможном вмешательстве для разрешения проблемы, то неолиберальный фокусируется на превентивных действиях [ibid., p. 44]. Таким образом, никакие катастрофы уже не могут обозначаться как «Божье провидение», это просто показатель качества управления обществом [Chandler, 2014, p. 156]. Однако речь не идет исключительно о правительственных инициативах. Стрессоустойчивость неолиберального режима основывается не только на адекватном предупреждении государством и реагировании на существующие и потенциальные кризисы, но и на ответственном отношении к гражданству и обществу самих граждан [Bourbeau, 2015, p. 381]. Для эффективного управления, по мне-

нию Дэвида Чандлера, необходимы одновременно гибкость, адаптивность, низовая инициатива и самоорганизация на всех уровнях [Chandler, 2014, p. 39].

Однако характеристики, необходимые для стрессоустойчивости системы, могут в какой-то момент сыграть против нее. И в этом заключается возможность реализации другого сценария, согласно которому стрессоустойчивость идет дальше неолиберальной парадигмы, более того, может превратиться в потенциал для ее преодоления [Rogers, 2012]. Исходит данный тезис из постулата, что жизнь как таковая по определению самоуправяема и, соответственно, мы очень часто переоцениваем важность управления [Chandler, 2014, p. 26]. То есть стрессоустойчивость социетальной системы может привести к возникновению альтернативной модели управления обществом, не как результат чьих-то намерений, а как спонтанный ответ системы, системы нелинейной и онтологически непознаваемой. Резюмируя особенности использования и изучения категории стрессоустойчивости, нужно вслед за Беном Андерсоном отметить, что невозможно говорить о проявлении стрессоустойчивости в чистом виде, в любом случае, она всегда будет взаимосвязана с существующими идеологиями и практиками власти, причем необязательно это должен быть неолиберализм [Anderson, 2015, p. 64].

Все же ряд направлений исследований стрессоустойчивости в политических процессах может быть задан. Так, Дж. Брассет, С. Крофт и Н. Вон-Вильямс пишут, что возможны исследования специфики политических акторов, использующие данную категорию: особое внимание в них должно уделяться вопросам включенности разных категорий в артикуляцию данного дискурса; также исследователи подчеркивают важность исследования границ использования категории стрессоустойчивости и ее взаимосвязи с такой категорией, как сопротивление [Brassett, Croft, Vaughan-Williams, 2013, p. 225]. Очевидно, что в любой работающей системе заложены ресурсы стрессоустойчивости, которые поддерживают ее на данный момент или могут быть задействованы в условиях внешнего или внутреннего вызова. Следовательно, выявление этих ресурсов и включение их в дискурс становятся ключевыми задачами для политических элит, стремящихся поддержать существующий режим, а на долю исследователей остается анализ этого процесса.

4. Биополитические практики как ресурс стрессоустойчивости

Понятие «биополитика», столь активно переосмысливающееся в политических науках, восходит своими корнями к политической мысли Древней Греции [Ojakangas, 2017, с. 23–35]. Однако, и это подчеркивается в ряде серьезных научных исследований, каждая эпоха приносила свои коннотации данному понятию, что не сделало его более ясным и простым в использовании. Прослеживая историю появления ссылок на биополитику в XX в., Роберто Эспозито заключает, что сегодня мы можем говорить о «загадке биополитики как решенной, но лишь принимая как данность то, что подлежит исследованию» [Esposito, 2008, с. 24]. По сути дела, это жизнь как основа политики и как политический объект одновременно. Для самого Эспозито, как и для большинства современных политических философов, точкой отсчета остаются работы Мишеля Фуко, который в 1970-х годах определил, что биополитика, или биовласть, представляет собой политические механизмы, где ключевой ценностью, нуждающейся в особом внимании, является жизнь как таковая. То есть государство берет на себя ответственность за жизнь граждан во всех ее проявлениях – увеличение рождаемости и продолжительности жизни, снижение уровня заболеваемости и детской смертности и т.д. Причем объектом становится не отдельный индивид, а все население [Фуко, 2005, с. 258–263]. Однако не все ученые разделяют такое толкование биополитики. Так, появившаяся в 1970-х годах Ассоциация политики и биологических наук продвигала «научную биополитику», которая подразумевает междисциплинарный подход в политических исследованиях и активно использует данные и теории естественных наук для «более полного понимания политического поведения» [Liesen, Walsh, 2012, p. 3]. Если последователи Фуко придерживаются постструктуралистских подходов, то сторонники «научной биополитики» фокусируются на рационализме естественных наук, анализируя преимущественно эмпирические данные [ibid., p. 7]. Не только методология, но и различные объекты исследования позволяют нам говорить о множественности биополитических практик. Так, политические философы подчас пишут о современности в терминах биополитики, фокусируясь на самой биологической жизни как ключевом политическом аргументе

(Джорджио Агамбен) или определяя (через призму марксистского восприятия) все хозяйственное производство как биополитическое, т.е. нацеленное на выработку социальных связей и общественного порядка и тем самым связывающее саму жизнь с экономическими процессами (Майкл Хардт, Антонио Негри). Подобный подход предполагает и увеличение возможных объектов исследования через призму биополитики. Проблемы беженцев, здорового питания, распространения СПИДа, биотехнологии и биоэтика – все это лишь неполный список тем, разрабатываемых в рамках биополитики [см., например: Кравченко, 2014].

Все эти направления роднит заданный еще Мишелем Фуко способ проблематизации политического, где главный фокус сделан на неизбежность обращения к биологической составляющей при изучении общественных проблем. Рассмотрение биологического и социального как элементов единой системы и позволило теоретикам стрессоустойчивости обратить внимание на биополитическое измерение как на один из важнейших ресурсов, позволяющих системе сопротивляться вызовам, ею же порождаемым. Джулиан Рейд, один из ведущих исследователей наследия Фуко в рамках изучения стрессоустойчивости, называет такой подход «экологическим обоснованием», подчеркивая, что речь идет об уязвимости человека и человеческого общества перед лицом различных вызовов, которые могут быть преодолены только посредством адаптации и использования ресурсов стрессоустойчивости, заложенных самой природой.

Биополитика в той или иной форме всегда существовала как часть правительственности, однако в XX в. она развивалась особенно активно, и стало ясно, что существовать она может при любом режиме. Как отмечает Сергей Прозоров, изучение конкретного случая проявления биополитики возможно лишь в тесной взаимосвязи с анализом конкретной идеологической конъюнктуры [Prozorov, 2017]. Так, продолжает Прозоров, биополитика была важнейшим элементом германского национал-социализма и идеи формирования идеального советского человека [ibid.]. Важную роль играет биополитика и в современном неолиберальном дискурсе. Как указывает Джулиан Рейд, «политические дискурсы современного либерализма переполнены ценностями, берущими истоки в биологии» [Chandler, Reid, 2016, p. 20], что и позволяет элитам артикулировать многочисленные практики управления, где

стрессоустойчивость режимов поддерживается через биологические дискурсы. Каким образом это происходит? Ключевой ресурс здесь – стимулирование новых дискурсов освобождения, обозначенных Фуко как производство «свобод», и формирование новых либеральных субъектов посредством поощрения низовых инициатив [Joseph, 2013.]. При этом, так как эти субъекты формируются в условиях внутренних вызовов, стрессоустойчивость по отношению к ним будет их ключевой характеристикой. То есть именно управление снизу вверх, осуществляемое новыми стрессоустойчивыми субъектами, становится ресурсом ответа системы на вызовы. Важно то, что речь здесь не идет о манипулировании. Формирование новых свобод – неотъемлемая часть либеральной системы, ее основной ресурс, который позволяет ей обновляться через диалектический метод.

Прежде чем перейти к описанию конкретной ситуации, следует указать, что ресурсом стрессоустойчивости может выступать любой элемент системы. В равной степени речь может идти и о солидарности, и о сельскохозяйственной практике. Важно то, что этот ресурс не может быть привнесен извне или быть результатом намеренного политического действия. То есть в ситуации кризиса он уже должен быть частью самой системы, и обращение к нему должно быть естественным для населения. То же касается и биополитических практик. Ресурсом, задействованным государством, могут быть совершенно разные элементы – здоровое питание и физическая культура, медицинская профилактика и генетика. В примере, описанном ниже, таким ресурсом стала проблема рождаемости и воспитания детей.

5. Ресурсы стрессоустойчивости современного российского режима: Случай «Белая лента»

Обратимся к российскому опыту, который, на наш взгляд, дает интересную возможность продемонстрировать потенциал биополитики для поддержания стрессоустойчивости. Представленный ниже анализ не претендует на моральную оценку ситуации, более того, важно подчеркнуть, что мы не говорим о сознательном манипулировании со стороны российских политических

элит. Речь идет о выявлении биополитических практик государства как потенциальном ресурсе его стрессоустойчивости.

С начала 2000-х годов вопросы снижения уровня рождаемости и сокращения численности жителей обозначались как приоритетные проблемы развития России [Концепция демографического... 2015]. С 2006 г. правительство уже предпринимало активные меры для решения демографического кризиса, например, с 2007 г. начались выплаты по программе, известной как «материнский капитал». Материальные меры проводились в условиях введения государственной концепции в отношении семейной политики, где цель – «молодая благополучная семья», которая «должна иметь такое количество детей, которое обеспечивает расширенное воспроизводство населения по данному региону» [Письмо Министерства... 2007]. По мнению социолога Ж. Черновой, в официальном дискурсе представление о молодой семье сводится «исключительно к ее репродуктивной функции», которая соотносится с «интересами государства, связанными с приростом населения» [Чернова, 2010]. Кроме того, в законе от 2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» особое внимание уделялось недопустимости отрицания семейных ценностей [Федеральный закон... 2010]. Таким образом, демографический вопрос и отношение общества к детям постепенно стали одним из ключевых пунктов российской внутренней повестки дня. Государство постоянно расширяло свое влияние в сфере осуществления биологических потребностей, определяя и контролируя все процессы, связанные с детьми, что позволяет нам определить эту практику управления как биополитическую. Речь идет не о государственном принуждении, а лишь о поощрении определенного дискурсивного поля, где любой гражданин становится активным участником процесса, имеющего государственное значение.

Отталкиваясь от теории стрессоустойчивости, мы можем сформулировать следующую мысль: государственное внимание к проблемам демографии способствовало проявлению низовой субъективации – способность России противостоять различным вызовам связывалась с деторождением и надлежащим воспитанием нового поколения. Стрессоустойчивость России интерпретировалась через активное участие каждого гражданина в этом процессе. Дети как отдельные индивиды в каждой семье или дети как надежда и продолжение нашего общества – объект особого внимания.

Причем инстинкты, заложенные природой, здесь сочетаются с экономическим прагматизмом (кто будет кормить нас в старости). Воспроизводство населения как естественная функция общества вкупе с идеей поддержания благосостояния и воспроизводят новый дискурс биополитической рациональности как один из источников стрессоустойчивости режима в период протестов после выборов в Государственную думу в 2011–2012 гг., которые стали серьезным вызовом существующему политическому режиму.

Итак, власти использовали обращение к проблемам демографии, причем ставился вопрос не просто о повышении рождаемости – речь шла об особом подходе к семейной политике, который выгодно отличает Россию от Запада, и о российской оппозиции, которая не стремится разобраться в ситуации, а слепо придерживается западных ценностей, что и подрывает стрессоустойчивость страны.

Общеизвестно, что движение «Белая лента», обвинявшее власти в фальсификациях в ходе электоральных процессов, практически сразу стало обозначаться в СМИ и на просторах Интернета как проплаченная Западом акция [см., например: Стешин, 2011; Стариков, 2011; Цыбин, 2012]. Однако не проблема финансирования выдвигалась как ключевая. Официальные лица стремились подчеркнуть, что речь идет не о разных подходах к демократическим процедурам, а о глубинном различии между прозападным мировоззрением участников акции и остальными россиянами. Ключевым адресатом данного обращения стали российские граждане, уже активно задействованные в обсуждении проблемы демографии.

Так, в 2012 г. был принят так называемый «закон Димы Яковлева», который не просто запрещал усыновление российских детей американцами, но и разъяснял гражданам отношение Запада к российским сиротам. В 2013 г. принята важная поправка к Закону «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» – ст. 6.21 «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» [Федеральный закон... 2013]. Оба закона успешно соединяли в себе заботу о детях и негативный дискурс о Западе и, что особо важно, вызвали небывалый интерес СМИ [Гармоненко, 2013]. В целом россияне отнеслись к ним нейтрально или позитивно [Пипия, 2015]. Большая часть участников движения «Белая лента» выступила не просто с резкой критикой этих законов, но и провела ряд митингов за

их отмену. Это использовала власть, разъясняя, что «Закон Димы Яковлева» нацелен лишь на создание системы эффективного контроля за судьбами усыновленных гражданами США российских детей, и задавая конкретный вопрос, о чем же в таком случае действительно «заботится оппозиция» [О чем беспокоится...2013]. Такой же ракурс задавался и в ответах авторов «закона о гей-пропаганде» [Винокурова, Мизулина, 2013]. Поддержал эту тему и президент Российской Федерации Владимир Путин. В интервью накануне Олимпиады в Сочи он сказал: «У нас люди, которые выступили инициаторами этих законов и которые этот закон принимали – я, кстати, не был инициатором этого закона, – исходили из того, что однополые браки не производят детей. А Россия переживает непростые времена с точки зрения демографии. И мы заинтересованы в том, чтобы детей было больше, чтобы семьи были полноценными» [Путин, 2013]. Ряд СМИ активно подчеркивали разницу в восприятии этих законов, доказывая, что концепция прав человека в западной интерпретации не просто неадекватна, но ведет к вымиранию человечества [Пятов, 2013]. При этом нужно понимать, что вопрос не ставился как полное отрицание западного мировоззрения или прав ЛГБТ. Ключевой момент заключался в том, что смещался фокус внимания из правового поля в целом в отдельные сферы развития Российской Федерации, которые обеспечивают его стрессоустойчивость. Не отказ, а критическое переосмысление западных ценностей с учетом потребностей конкретного государства и общества стало задачей рядовых россиян.

В результате политические процедурные требования были смешаны с биополитическими установками, что приводило к иному трактованию выступлений оппозиции. Оценивая усилия власти по урегулированию ситуации, газета «Ведомости» писала в марте 2013 г.: «Стратегия российского руководства в борьбе с активизировавшейся с 2011 г. оппозицией направлена на политическую изоляцию оппозиции путем ее противопоставления большинству российского общества. История с концертом в храме Христа Спасителя и искусственно обостряемые споры о правах сексуальных меньшинств являются характерными проявлениями этой в целом успешной стратегии» [Кашин, 2013]. Формирование этого большинства как низового стрессоустойчивого субъекта власти и было результатом биополитических практик, описанных выше. Оппозиции пришлось признать этот успех власти [Морозов, 2013].

Таким образом, российский официальный дискурс весьма успешно проблематизировал требования оппозиции как западный вызов существованию российского общества, причем не только в рамках классических политических подходов, но и как социально-биологического феномена. Правительству удалось сместить дискуссию с центрального тезиса движения «Белая лента» о предполагаемой фальсификации выборов и злоупотреблениях власти в иную плоскость – западной трактовки прав человека, которая хоть и имеет ряд положительных элементов, но может привести к серьезным последствиям в демографическом плане. Общество не может желать действий, которые нанесут вред его детям, это условие его воспроизводства, а оппозиция, которая этого не понимает, – это либо враги, либо заблудшие души. Хорошие условия для жизни потомства как залог стабильно развивающейся системы – очевидный ресурс для артикуляции дискурса стрессоустойчивости, который не нуждается в особых пояснениях. Полностью проблему стабильности режима это не решило, о чем свидетельствуют новые волны протеста в 2017 г., однако идеи о разном восприятии заботы о детях представителями Запада и России, появившиеся в российском дискурсе, по-прежнему сохраняются. Примером может служить непрекращающийся спор о ювенальной юстиции [Кашеварова, Кургинян, 2013]. Очевидно, что дальнейшее включение данного ресурса для поддержания стрессоустойчивости режима по-прежнему возможно.

Биополитические практики как ресурс стрессоустойчивости современного политического режима характерны не только для Российской Федерации, но и для большей части современных западных государств. Следовательно, возможность прояснить ряд условий, обеспечивающих стрессоустойчивость существующего политического режима Российской Федерации при помощи активно развивающейся на Западе теории стрессоустойчивости, может быть полезна не только с академических, но и с политических позиций.

Заключение

Популярность концепции стрессоустойчивости в современном мире возрастает. Уже не только в академических, но и в политических кругах данный подход занял одно из лидирующих поло-

жений. Если включение этой категории во внутренние документы ряда государств еще можно было игнорировать, то выстраивание новой внешней политики Европейского союза на основе этой концепции делает ее изучение практически неизбежным [Романова, 2017]. Новизна данной концепции для российского политического дискурса приводит нас к целому ряду вопросов – от адекватного перевода понятия на русский язык до выстраивания соответствующей внешней стратегии в отношении Европейского союза. Вместе с тем неясность и неопределенность концепции стрессоустойчивости, в которых ученые видят не только недостаток, но и возможность соединить на первый взгляд абсолютно несоединяемые дискурсы, становятся новым вызовом для российской науки. Использование новых теоретических подходов для анализа российской ситуации позволит отечественным ученым включиться в мировые научные дебаты, так как применение данной концепции вызывает не меньше вопросов, чем отсутствие общей дефиниции. Представляется, однако, что здесь не может быть предложено общей модели: эмерджентность и неопределенность современных систем не позволяют привести их к единому знаменателю, из-за чего мы можем использовать инструменты познания лишь в рамках свойственной этим системам онтологии. На наш взгляд, значимость концепции стрессоустойчивости состоит в возможности определения внутренних ресурсов системы, которые могут быть задействованы в ситуации вызова, а также в специфике включения этих ресурсов в политический дискурс. Хотя при этом нужно сразу оговориться, что стрессоустойчивость является лишь одним из источников поддержания системы, и говорить о ее универсальности было бы неправильно.

Для политических наук наиболее приемлемой базой для анализа применения теории стрессоустойчивости стали работы Мишеля Фуко по исследованию «правительственности» и биополитики. Согласно теории стрессоустойчивости, понимание социальной системы сквозь призму «экологического обоснования» способствует не только артикуляции новых дискурсов управления, но и формированию низовых политических субъектов, способных противостоять новым вызовам. Так, например, стремление к увеличению численности населения может стать ответом на рост количества угроз. «Устойчивое развитие», ключевой сегодняшней слоган, может осуществляться лишь обществом в целом, а не отдельными

людьми. На этом зиждется современный неолиберализм и его стрессоустойчивость, и неудивительно, что это послужило ресурсом и для вариаций российского неолиберализма. Так, правительству РФ удалось купировать внутренний вызов оппозиции не путем полного запрета, не отказом гражданам в осуществлении их прав, но изменением направления самой дискуссии. Биополитические практики, уже активно осуществляемые государством, помогли в выстраивании образа протестующих как оппозиции не правительству, но всему российскому обществу. Жизнь и благополучие детей не нуждаются в особых формулировках, так как именно этот аспект в любом обществе воспринимается как требующий особого внимания. Важно отметить, что речь идет не о манипулировании общественным мнением, а о постепенной политической субъективации рядовых граждан в рамках биополитических практик «демографии и заботы о детях». Позиция этих граждан способствовала стрессоустойчивости режима, и способствует до сих пор. Тема «школьники на оппозиционных митингах» – тому яркий пример, и именно теория стрессоустойчивости помогает нам понять, почему это так.

Список литературы

- Винокурова Е., Мизулина Е.* «Людей ведь раздражают не геи, а пропаганда» // Газета. Ру. – М., 2013. – 10 июня. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2013/06/10_a_5375845.shtml (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Гармоненко Д.* 7 против 420 // Независимая газета. – М., 2013. – 22 января. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_politics/2013-01-22/9_7vs420.html (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года // Демоскоп Weekly. – М., 2015. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncersiya/koncersiya.html> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Кашеварова А., Кургинян С.* Сергей Кургинян: Мы сделаем так, чтобы ювенальная юстиция провалилась // Известия. – М., 2013. – 13 февраля. – Режим доступа: <http://iz.ru/news/544815> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Кашин В.* Пиарщикам нельзя доверять внешнюю политику // Ведомости. – М., 2013. – 1 марта. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2013/03/01/sluchaj_dimu_yakovleva (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Кравченко С.А.* Новые риски еды: Необходимость гуманистической биополитики // Полис. Политические исследования. – М., 2014. – № 5. – С. 139–152.
- Морозов А.* «Холодная война»-2013: Во что перерос протест 2012 года // Forbes Russia. – М., 2013. – 6 мая. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/mneniya->

- column/protesty/238518-holodnaya-voina-2013-vo-chto-pereros-protest-2012-goda (Дата посещения: 11.06.2017.)
- О чем беспокоится протестующая оппозиция? / Партия «Единая Россия». – М., 2013. – 14 января. – Режим доступа: <http://moscow.er.ru/news/2013/1/14/o-chem-besпокоitsya-protestuyushaya-oppozitsiya/> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Пития К. «Невидимое меньшинство»: к проблеме гомофобии в России // Левада-Центр. – М., 2015. – 5 мая. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/2015/05/05/nevidimoe-menshinstvo-k-probleme-gomofobii-v-rossii/> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Письмо Министерства образования и науки РФ от 18 мая 2007 г. № АФ-163/06 «О концепции государственной политики в отношении молодой семьи» // Консультант Плюс. – М., 2007. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=98438&fld=134&dst=100001,0&rnd=0.23657054767375407#0> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Путин В. Интервью Первому каналу и агентству Ассошиэйтед Пресс // Президент России. – М., 2013. – 4 сентября. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19143> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Пятов Г. Обреченные на гомосексуализм. Что ждет детей-сирот, усыновленных однополыми парами? // Комсомольская правда. – М., 2013. – 23 октября. – Режим доступа: <http://www.kompravda.eu/daily/26149/3038423/> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Романова Т. Категория «стрессоустойчивость» в Европейском союзе // Современная Европа. – М., 2017. – № 4 (76). – С. 17–28.
- Стариков Н. Белая лента – задача пролить кровь // Партия Великое Отечество. – М., 2011. – 9 декабря. – Режим доступа: <https://nstarikov.ru/blog/13919> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Стешин Д. Уши «Белой ленты» торчат из Америки? // Комсомольская правда. – М., 2011. – 8 декабря. – Режим доступа: <http://www.kompravda.eu/daily/25801.4/2782350/> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Российская газета. – М., 2010. – 31 декабря. – Режим доступа: <https://rg.ru/2010/12/31/deti-inform-dok.html> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Федеральный закон от 29 июня 2013 г. № 135-ФЗ «О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей» // Гарант. Ру. – М., 2013. – 30 июня. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/f385ab5d34de901b2e5f3d08ac0b454481377d6a/#dst4034 (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Фуко М. Нужно защищать общество. – М.: Наука, 2005. – 315 с.
- Фуко М. Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис) // Логос. – М., 2003. – Т. 39, № 4–5. – С. 4–22.

- Цыбин Ю. «Белая лента» получила инструкции в посольстве США. Немцов, Чирикова и другие // Newsrab.ru. – Красноярск, 2012. – 18 января. – Режим доступа: <http://newsrab.ru/forum/theme/99759> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Чернова Ж. Молодая семья как объект / субъект семейной политики // Полит. ру. – М., 2010. – 30 октября. – Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/11/30/family/> (Дата посещения: 11.06.2017.)
- Ahern J. Urban landscape sustainability and resilience: The promise and challenges of integrating ecology with urban planning and design // Landscape ecology. – Berlin, 2013. – Vol. 28, N 6. – P. 1203–1212.
- Anderson B. What kind of thing is resilience? // Politics. – Newcastle, 2015. – Vol. 35, N 1. – P. 60–66.
- Brassett J., Croft S., Vaughan-Williams N. Introduction: An agenda for resilience research in politics and international relations // Politics. – Newcastle, 2013. – Vol. 33, N 4. – P. 221–228.
- Bourbeau P. Resilience and international politics: Premises, debates, agenda // International studies review. – Oxford, 2015. – Vol. 17, N 3. – P. 374–395.
- Brown C., Lall U. Water and economic development: the role of variability and a framework for resilience // Natural resources forum. – Medford, 2006. – Vol. 30, N 4. – P. 306–317.
- Chandler D. Resilience: The governance of complexity. – Abingdon, N.Y.: Routledge, 2014. – 268 p.
- Chandler D., Reid J. The neoliberal subject: Resilience, adaptation and vulnerability. – L.: Rowman & Littlefield International, 2016. – 210 p.
- Coaffee J., Fussey P. Constructing resilience through security and surveillance: The politics, practices and tensions of security-driven resilience // Security dialogue. – Oslo, 2015. – Vol. 46, N 1. – P. 86–105.
- Dunn Caveltly M., Kaufmann M., Soby Kristensen K. Resilience and (in)security: practices, subjects, temporalities // Security dialogue. – Oslo, 2015. – Vol. 46, N 1. – P. 3–14.
- Esposito R. Bios: Biopolitics and philosophy. – Minneapolis: Univ. of Minnesota press, 2008. – 231 p.
- Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // Annual review of ecology and systematics. – Palo Alto, 1973. – Vol. 4, N 1. – P. 1–23.
- Joseph J. Resilience as embedded neoliberalism: A governmentality approach // Resilience: International policies, practices and discourses. – Abingdon, Oxfordshire: UK, 2013. – Vol. 1, N 1. – P. 38–52.
- Kärrholm M., Nylund K., Fuente P.P., de la. Spatial resilience and urban planning: addressing the interdependence of urban retail areas // Cities. – Amsterdam, 2014. – Vol. 36. – P. 121–130.
- Liesen L.T., Walsh M.B. The competing meanings of «biopolitics» in political science // Politics and the life sciences. – DeKalb, IL, 2012. – Vol. 31, N 1. – P. 2–15.
- Nelson S.H. Resilience and the neoliberal counter-revolution: from ecologies of control to production of the common // The Routledge handbook of international resilience / D. Chandler, J. Coaffee (eds.). – L.: Routledge, 2017. – P. 185–198.

- O'Hare P., White I., Connelly A.* Insurance as maladaptation: Resilience and the 'business as usual' paradox // *The Routledge handbook of international resilience* / D. Chandler, J. Coaffee (eds.). – L.: Routledge, 2017. – P. 238–251.
- Ojakangas M.* Biopolitics in the political thought of classical Greece // *The Routledge handbook of biopolitics* / S. Prozorov, S. Rentea (eds.). – L.: Routledge, 2017. – P. 23–35.
- Prozorov S.* Whither biopolitics? Current tendencies and directions of future research // *The Routledge handbook of biopolitics* / S. Prozorov, S. Rentea (eds.). – L.: Routledge, 2017. – P. 328–229.
- Resilience. International policies, practices and discourses. – L.: Taylor & Francis Online, 2017. – Mode of access: <http://www.tandfonline.com/toc/resi20/current> (Accessed: 11.06.2017.)
- Rogers P.* Resilience revisited. An etymology and genealogy of a contested concept // *Climate futures working paper series*. – Lake Macquarie, 2012. – Vol. 4. – P. 1–29.
- Shared vision, common action: A stronger Europe. A global strategy for the European Union's foreign and security policy. – Brussels: European Union external action service, 2016. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (Accessed: 11.06.2017.)
- Smith M.E.* Implementing the global strategy where it matters most: the EU's credibility deficit and the European neighbourhood // *Contemporary security policy*. – L., 2016. – Vol. 37, N 3. – P. 446–460.
- The Routledge handbook of international resilience* / D. Chandler, J. Coaffee (eds.). – L.: Routledge, 2017. – 420 p.
- Understanding vulnerability and resilience in individuals to the influence of al Qaeda violent extremism. A rapid evidence assessment to inform policy and practice in preventing violent extremism. – L.: UK Home Office, 2011. – Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/116723/occ98.pdf (Accessed: 11.06.2017.)
- UK national security strategy. A strong Britain in an age of uncertainty. – L.: UK Home Office, 2010. – Mode of access: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/61936/national-security-strategy.pdf (Accessed: 11.06.2017.)
- Walker B., Salt D.* Resilience thinking: sustaining ecosystems and people in a changing world. – Washington: Island Press, 2012. – 192 p.
- Walker J., Cooper M.* Genealogies of resilience: From systems ecology to the political economy of crisis adaptation // *Security dialogue*. – Oslo, 2011. – Vol. 42, N 2. – P. 143–160.
- Wagner W., Anholt R.* Resilience as the EU global strategy's new leitmotif: Pragmatic, problematic or promising? // *Contemporary security policy*. – L., 2016. – Vol. 37, N 3. – P. 414–430.